

И алгоритм прозы стал соответствующим: если только что была тяжёлая сцена, дальше Горланова и Букур «разбавят», дадут читателю передышку. «Мы, как авторы, всё время подуливаем. Первая фраза произведения должна быть такой, чтобы читатель подумал: «Ага! Я это прочитаю!» А последняя — такой, чтобы он решил: «Да! Жить стоит!» Даже если в жизни не складывается всё хорошо, я всё равно что-то подарю читателю от себя. Автору нужно рулить к свету», — поясняет Нина Викторовна.

В последнее время к свету они рулят на пару. Вячеслав Иванович Букур и Нина Викторовна Горланова. Муж и жена. Два пристяжных русской прозы (тут следует остановиться на чуть и подумать: кто коренником будет? Вдохновение?). Базовое сочетание — инь и ян. Тот, что ян, почти всё интервью стоит здесь же в комнате. Он и слушатель, и собеседник, и группа поддержки, и точка опоры, и ещё много кто и что. Настоящие яны, они такие, полифункциональные. Хотя соавторство с мужем — вещь весьма взрывоопасная. И не по таким фундаментальным вопросам, как русская словесность, пары ругаются вдрызг. «Конечно, ссоримся! — возвышает голос Горланова. — Слава говорит, что 90% написанного — это его! Я ему — 70! Он — 80! И ни разу ещё на 50% не сторговались!» «Я стою на своём, — гудит со своего форпоста Букур. — И это, конечно, чисто мужское начало, которое к творчеству не имеет никакого отношения. Как и чисто женское. Вы же понимаете?» Это, впрочем, ещё вопрос. Можно долго, с упоением спорить о том, что «само пришло», а что было отобрано двумя соавторами, мужчиной и женщиной, но так и не прийти к окончательному выводу. Ведь «жизни нет. Есть только искусство. Мы со Славой считаем так. Жизнь — это и есть искусство», — мыслит вслух Нина Викторовна. «Только в разрежённом виде, — добавляет Вячеслав Иванович. — И ничего так называемого реалистического нет», — непреклонно завершает он давно и многажды думанную им мысль.

Отдельная история — горлановские прототипы. В своё время в определённых кругах мысль о том, что мы

все когда-нибудь станем прототипами героев прозы Горлановой, была почти аксиоматична. Для многих это становится существенной проблемой. Люди не хотят попадать в переплёт. Пусть это даже переплёт книг известной писательницы. «Отрицательных героев своих произведений я сильно маскирую разными людьми. Они узнают себя,

ЛЮДИ НЕ ХОТЯТ ПОПАДАТЬ В ПЕРЕПЛЁТ. ПУСТЬ ЭТО ДАЖЕ ПЕРЕПЛЁТ КНИГ ИЗВЕСТНОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

обижаются. Ну что говорить! Вот было у меня 40 друзей, сегодня осталось восемь, а то и шесть. Спрашивают, куда ушли друзья Нины? «В прототипы!» — поясняют Абашевы. Я-то знаю, что не про них писала, лишь взяла их черты. Но уже ничего не объяснить. Никто не хочет слушать, люди этого не прощаю. И это тяжело пережить», — горько вздыхает Горланова.

Есть известный буддистский метод — преобразование страданий в путь. Кажется, что Горланова и Букур освоили его в совершенстве. Писательство, особенно писательство в русской традиции, в принципе очень больное и больное занятие. «Чтобы написать хорошее произведение, нужно вот так вот хлебнуть всего, — Нина Викторовна показывает, докуда именно нужно хлебать. Выходит, что по самую маковку. — Просто так ничего не пишется».

История с приёмной девочкой в таких координатах отчётливо хрестоматийна. Фабула (для тех, кто не в курсе) была предельно проста: Нина Викторовна Горланова и её муж Вячеслав Иванович Букур взяли в семью приёмную девочку. Но не срослось. Девочка пожила-пожила да и ушла. Больно ушла. И ещё большой вопрос, кто кого там воспитывал всё это время. Но вот в чём вопросов нет и быть не может, так это опять же в преобразовании проблемы в путь. Девочка

не прижилась. Зато написался «Роман воспитания». Да, слово «зато» диково-то звучит в контексте сложно сравнимых величин — настоящей жизни двух взрослых и одного ребёнка и изданной книжки. Но, во-первых, именно это слово как нельзя лучше отражает то самое умение переплавить горести судьбы в нечто, что и тебе не даст погибнуть под обломками так и не состоявшегося счастья, и другим, глядишь, обозначит какие-то верные векторы. А во-вторых, именно в этом контексте слово обретает начальный свой смысл: за то им было дано... И в-главных: всё творчество Горлановой — Букурарастёт именно из той самой настоящей жизни. Вечное ахматовское «когда б вы знали, из какого сора...» кто только не поминал в связи с произведениями Горлановой. И каждый раз то поминание отражало самую суть.

Роман же воспитания написался почти сам. «Ну, ты знаешь, эту историю. У нас была приёмная девочка, наше педагогическое поражение. Она от нас ушла. Мы страдали. Решили писать роман. Что вспоминается? Все гадости, которые она про нас наговорила, чтобы ей переменили опекунство на тётино. Пишем, значит, гадости про девочку, которую любили... А не идёт! Вообще ерунда получается! И я уж не помню, кто из нас первый предложил: «Давай писать только хорошее». Роман просто полетел! Пере-читали, добавили несколько проблемных страниц, связанных с Н. С ней вся жизнь была проблемной. Другое дело, что наша любовь всё покрывала, так что мы и не замечали ничего, пока она от нас не ушла. В прозе мы немножко преувеличили то доброе, что было. Все читали потом и говорили: «Надо же, какая девочка! Вам нужно было в ногах у неё валяться, чтобы не уходила!» А это просто наш роман... Мы это написали, понимаете? Сами подставились, сделав её выше героев — приёмных родителей. Но не навредили никому, думаю. Вполне может быть, что наша девочка была так прекрасна, как в романе. Не может плохой человек писать гениальные картины! А она писала», — Нина Викторовна аккуратно достраивает образ Н. и в интервью.